

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121

ОДЕЖДА У Н. М. КАРАМЗИНА КАК ПРИМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА *

Киселева И.А., Поташова К.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обосновывается идея, что Н.М. Карамзин в «Истории Государства Российского» и в других своих произведениях ставит вещь, в частности, одежду человека в непосредственную связь с идеей. Он подробно описывает стиль и отдельные элементы одежды исторических деятелей и персонажей своих произведений, проводит связь между внешностью и внутренним состоянием человека. У Карамзина одежда является отражением исторического времени, социального статуса человека, связана с его национально-культурной идентификацией, становится знаком отношения к духовному миру, мерой личностной состоятельности её обладателя.

Ключевые слова: одежда, вещный мир, мода, национальный характер, движение истории, Н.М. Карамзин

CLOTHING IN N. KARAMZIN'S WORKS AS A SIGN OF HISTORICAL TIME AND NATIONAL CHARACTER

I. Kiseleva, K. Potashova

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article presents the idea that N. Karamzin in the “History of the Russian state” and in his other writings puts a thing, in particular, clothing of a person in direct connection with an idea. He describes in detail the style and individual elements of the clothes of historical figures and characters of his works, drawing a connection between appearance and the internal state of an individual. For Karamzin clothing is a reflection of the historical time, the social status of a person, it is connected with his national-cultural identity and becomes a sign of relationship to the spiritual world, a sign of personal viability of its owner.

Key words: clothing, thing, fashion, national character, the history of the movement, N. Karamzin.

В «Истории Государства Российского», в «Письмах русского путешественника», в своих повестях и заметках Н.М. Карамзин особое внимание уделяет одежде, её описание носит этнографический, исторический, эстетический ха-

© Киселева И.А., Поташова К.А., 2017.

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь». / The work was supported by grant RFBR № 15-04-00494 «N.M. Karamzin: encyclopedic dictionary».

ракетер. Карамзин подробно описывает стиль и отдельные элементы одежды исторических деятелей и персонажей своих произведений, их облачение часто имеет символический характер. Карамзин проводит связь между внешностью и внутренним состоянием человека, одежда в его художественной системе связана с «поворотами в судьбе и мировоззрении, преобразованием всего облика человека, его зависимости или свободе» [11, с. 90], посредством одежды писатель «демонстрирует стиль жизни человека и образ его мышления» [7, с. 145]. И эти параллели весьма основательны, как отмечал И.Ф. Анненский: «Нас окружают и, вероятно, составляют два мира: мир вещей и мир идей. Эти миры бесконечно далеки один от другого, и в творении один только человек является их ... соединением» [2, с. 217].

Стремясь к точной фиксации культуры и быта эпохи, Карамзин интересовался этимологией слов, связанных с одеждой, уточнял их значение, тем самым давая читателям понять «динамику историко-культурной ситуации» [1, с. 74]. Так, в примечаниях к «Истории государства Российского» Карамзин приводит выписку из четвертого пункта Русско-византийского договора князя Олега («Договор русских с греками», 911 г.) по Троицкой летописи: «да сойметь съ себе и ты самыя порты, въ нихъ же хожаше» [10, с. 67]. Карамзин поясняет, что «портами называлась вообще одежда; теперь въ семъ значеніи осталось только имя *портной*» [3, т. I, примечания, с. 92]. В самом же тексте «Истории государства Российского» Карамзин заменяет вышедшее из употребления слово *порты* понятным для современных ему чи-

тателей словом *одежда*: «Кто ударить другаго мечемъ, или какимъ сосудомъ, да заплатитъ пять литръ серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатитъ, что можетъ; да сниметъ съ себя и самую одежду, въ которой ходитъ...» [3, т. I, с. 83]. В передаче деталей вещного мира Карамзин стремился к исторической точности. Вступая в диалог с В.Н. Татищевым о договоре (торжественном мире) князя Игоря с греками 944 года, он оспаривает значение слова «паволоки»: «Татищевъ вмѣсто паволоки написалъ: ”по два кафтана” но паволока не кафтанъ, а ткань» [3, т. I, примечания, с. 97], сам же приводит точную цитату из Троицкой летописи [10, с. 75]. Изображая и время правления Олега, и время княжения Игоря, озаменованное заключением мирных соглашений с другими государствами, Карамзин фиксирует различный функционал одежды, говорит о ней, как о денежном эквиваленте: «Греки выкупали плѣнныхъ шелковыми одеждами. Норманы означали цѣну вещей тканями» [3, т. I, примечания, с. 97]. Представляя такую широкую географию, соотносящуюся с торговым путём «из варяг в греки», Карамзин акцентирует повсеместное отношение к одежде как к материальной ценности. В другой главе «Истории государства Российского» историк приводит слова Нестора-летописца о том, что «завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили Славянъ иною данію» – «по бѣлкѣ съ дома». Карамзин поясняет, что этот налог был «весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей чловѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для

жизни» [3, т. I, с. 25]. Констатируя, что одежда для русских была необходима в силу сурового климата, Карамзин по сути утверждает, что облачение напрямую связано с сущностью, то есть вещь для русских видится заведомо целесообразной. Описывая этнографические подробности внешнего облика русских посредством передачи речи Якута аль-Хамави (арабский писатель XIII века, составитель Географического Словаря) Карамзин отмечает отсутствие одежды, если в ней нет практической необходимости: «Я видѣлъ Русскихъ купцевъ въ пристани рѣки Итиля (Волги). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя съ боку грубую одежду, такъ, что одна рука остается свободною» [3, т. I, примечания, с. 100]. Иначе характеризуются восточные народы. Описывая Ханские празднества, Карамзин пишет, что «каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня» [3, т. IV, с. 114]. Ту же любовь к дорогим одеждам отмечает Карамзин и у греков: «Константинь и предки его давали Вельможамъ утѣснять народъ; не было въ судахъ правды, ни въ сердцахъ мужества; судіи богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ, а полки Греческіе величались только цвѣтною одеждою» [4, т. V, с. 212]. Красивая одежда здесь связана с отрицательным духовным вектором, подменой богатства души внешней украшенностью.

Аскетичность венедов (племя северных славян), которые «не отличались одеждою отъ Германскихъ народовъ, т. е. едва закрывали наготу свою» [3, т. I, с. 39], напротив, ссылаясь на Тацита, Карамзин акцентирует. Избегая

роскоши, «въ самой бѣдной одеждѣ» [3, т. I, с. 46] выбирались и воеводы древних славян – этот «весьма любопытный» факт Карамзин приводит как нравственное достоинство и независимость славянских племён. Высоко оценивая личность Владимира Мономаха, его государственную добродетель, Карамзин также подчёркивает простоту поведения благоверного князя в быту, для характеристики его аскетизма приводит выдержку из Сочинения митрополита Никифора, ярко иллюстрирующую близость «Властителя земли» к простым людям: «Не знаешь дому, всегда въ трудахъ и путешествіяхъ, спишь на голой землѣ, единственно для важныхъ дѣлъ государственныхъ вступаешь во дворедѣ свѣтлый, и снимая съ себя любимую одежду простую, надѣваешь Властительскуюю» [3, т. II, с. 100]. Независимость от одежды у Карамзина встаёт рядом с чувством свободы, характерным для северных народов, прежде всего славян и германцев. Карамзин отмечает, что «славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, некоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ портахъ» (здесь уже слово *порты* Карамзин употребляет в их современном значении) [3, т. I, с. 39]. В силу естественного целеполагания одежды средневековый славянский космос в большинстве случаев имел иерархическое устройство – человек не становился эмоционально зависимым от вещи, а ценности духовные ставились выше материальных. Одежда не несла отрицательного духовного начала, она была нужна и востребована и потому не имела власти над человеком.

Знаковыми в «Истории государства Российского» оказываются и действия, связанные с одеждой. В художествен-

ном мире Карамзина одежда или действия с ней выражают внутренние качества человека, его отношение к ближнему, выступают своеобразным продолжением личности, так как выбор одежды является социокультурным явлением, определяющим характер отношения человека к действительности. Не только сама одежда, но и манера её носить, какие-либо действия с ней, становились средством характеристики личности и типа отношений в той или иной историко-культурной среде. При этом одно и то же действие – снятие с себя одежды, её дарение и подобное – могло иметь разный смысл и по-разному характеризовать человека. Так, повествуя о трагическом событии из истории Киевской Руси – убийстве князя Игоря Ольговича заговорщиками, Карамзин описывает драматическую сцену попытки спасения князя его братом Владимиром, который «старался освободить несчастного, закрыл собственную одежду, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ» [3, т. II, с. 134]. Выражением непосредственной радости является дарование одежды «с плеча» Иоанном IV при вести о рождении царевича Дмитрия: «не зная, какъ наградить счастливаго вѣстника, отдалъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя» [2, т. VIII, с. 117]. Здесь жест дарения выражает радость и милость властителя, его душевное расположение к одариваемому. Однако дарование одежды могло быть представлено Карамзиным и с унижительным модусом, яркой иллюстрацией этому служит сцена пленения Империей Тимуридов османского султана Баязида I: в качестве знака пренебрежения и власти

над проигравшим Тимур приподносит Баязиду «одежду драгоцѣнную, и хвастовствомъ великодушія еще болѣе, нежели своею побѣдою, унизилъ сего бывшего знаменитаго Монарха» [2, т. V, с. 82]. Однако и в том, и в другом случае одежда является продолжением личности, служит средством видимого проявления возможностей человека, в том числе его внутренней силы.

Характеры героические, как правило, показаны у Карамзина независимыми от власти одежды, тогда как сомнительные в нравственном отношении лица изображаются в имеющих по преимуществу эстетический смысл пышных дорогих нарядах. Карамзин на основании исторических источников не раз отмечает великолепие одежды людей непостоянных в своих убеждениях. Описывая рыцаря Гаммерштета, который в битве близ Пскова с Ливонским Магистром вначале встал на сторону русских и бился с немецкой пехотой, а затем, недовольный холодным приёмом в России, пытался найти почётное место в Швеции и только в княжении Василия III вернулся в Москву, Карамзин рядом со словами о том, что «послы Императора Максимилиана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ Царедворцевъ» [2, т. VI, с. 199], ставит указание на то, что «полководцы Иоанновы гнушались измѣною Гаммерштета» [2, т. VI, с. 199].

Однако нарядные одежды сами по себе не несли положительной или отрицательной окраски, она определялась ситуативно и имела непосредственную связь с историческим периодом. Вместе с принятием от Византии христианства пренебрежение к пышности в русской культуре сменилось

уважением к нарядной одежде, целесообразность которой определялась её знаковым характером и собственно красотой. «Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ Грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду» [3, т. X, с. 153]. Подтверждением этого Карамзин ставит государственное покровительство промышленному мастерству, историк пишет, что Федор Иоаннович вызвал из Италии Марко Чинопи, чтобы тот «ткалъ бархаты и парчи, въ домѣ отведенномъ ему близъ Успенскаго Собора» [3, т. X, с. 153]. По мысли Карамзина, русские, по причине их природной чуткости к прекрасному, смогли оценить эстетические чувства греков. Общим местом рассуждений о принятии русскими христианства стала история о впечатлении послов от красоты византийского богослужения. И красота одежды (по принципу аналогии в том числе) в сознании русских, принявших «византийскую веру», стала связываться с божественным величием, но при этом роскошь в одежде в древнерусском государстве не стала повседневностью, а соотносилась с особыми случаями, требующими церемониала и являющимися связью Неба и земли: «Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую одежду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на перси крестъ Животворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; слушалъ молебень въ храмѣ Успенія» [2, т. VIII, с. 120]. Карамзин отмечает, что российские послы «требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ», но Императоры уверяли их, «что сіи порфиры и короны сдѣланы руками Ангеловъ и должны быть всег-

да хранимы въ Софійской церкви» [1, т. I, с. 149-150]. И русским государям эти вещные атрибуты царской власти представлялись не земной роскошью, но символами причастности к вечной жизни. Описывая торжественный для России момент – венчание на царство Фёдора Иоанновича, Карамзин, наряду со священным характером действия отмечает цветовую гамму облачения Царя и его свиты: «Государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта придворные въ златой» [3, т. X, с. 10].

В «Истории государства Российского» Карамзин подчёркивает, что, усвоив греческую эстетику прекрасного, русские не утратили своей национальной самобытности, и даже более, на её основе образовали свою особую культуру одежды, синтезируя славянские уборы с греческой традицией золотошвейного мастерства. И именно этот синтез в «Истории государства Российского» представляется уже как культура русского национального костюма, что ярко отражено в завещании Великого Князя Ивана Калиты, в княжеское убранство которого входили бармы, являющиеся элементами парадной одежды византийских императоров: «Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную шубу съ жемчугомъ и мантию съ бармами, Андрею шубу соболью съ наплечками низанными жемчугомъ и портище алое съ нашитыми бармами...» [2, т. IV, с. 151]. Эта способность воспринять чужое как своё, преобразовав его в соответствии со своей природой и условиями жизни, является отличительной чертой русских, это та самая «всемирная отзывчивость», о которой впоследствии

говорил Ф.М. Достоевский по отношению к А.С. Пушкину. Такая уникальная способность, вероятно, продиктована не только тайной русской природы, но в случае с принятием христианства от Византии, его внеациональной сущностью: «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос» [9, с. 383].

Карамзин только в случае с русским принятием христианства от Византии не даёт отрицательной оценки ношению одежды, связанной с культурой другой страны. При описании завоеваний Хазаров в VII веке историограф, обозначая политическую уязвимость Греции, пишет: «Слабая Греция не смѣла отражать новых завоевателей: ея Цари искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою Козарскою...» [3, т. I, с. 24]. Верность национальной одежде является для Карамзина знаком государственной силы и достоинства. Описывая исторический эпизод выдачи замуж за литовского князя дочери Ивана III Елены Карамзин приводит Тайный наказ Государя: «... велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви, въ Русской одеждѣ» [4, т. VI, с. 57]. Эти условия позволяли правителю сохранить духовную независимость и являлись её знаком, в исполнение договора Ивана III требовал от зятя, чтобы тот «...непремѣнно позволилъ супругѣ своей имѣть домовую церковь, не принуждалъ ее носить Польскую одежду, не давалъ ей слугъ Римскаго Исповѣданія, писалъ въ грамотахъ

весь титулъ Государя» [4, т. VI, с. 159-160].

Трагическая для национальной самобытности России эпоха наступает позже, в период Смутного времени. Так Карамзин описывает внешний облик москвичей в царствование Лжедмитрия: «Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою» [5, т. XI, с. 135]. Его описания людей того времени не лишены психологизма: «Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами» [5, т. XI, с. 135]. Именно чуждая (польская) одежда явилась и причиной смерти русских во время расправы с польскими интервентами: «Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу» [5, т. XI, с. 173].

Любовь к российской древности и самобытности, опыт создания «Истории государства Российского», документальные свидетельства о культуре одежды сформировали взгляды Карамзина на отношение и к современной ему моде. В повести «Наталья, боярская дочь» писатель ностальгирует о старых временах, важной приметой которых являлся русский убор: «Кто из нас не любит тех времён, когда русские были русскими, когда они в собственное своё платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [6, т. II, с. 622] Представляя себя в образе почтительного правнука, сентиментальный повествователь в разговоре со своими прабабушками признаётся в любви к русскому платью: «...рассуждая с ними о старых и новых модах, всегда отдаю

преимущество их подкапкам и шубейкам перед нынешними bonnets¹ a la... и всеми галло-албионскими нарядами, блистающими на московских красавицах в конце осьмого-надесять века» [6, т. II, с. 622].

В статье «О лёгкой одежде модных красавиц девятнадцатого века», опубликованной в журнале «Вестник Европы» (под псевдонимом В. Мулатов) Карамзин сентиментально-иронически рассуждает о современной ему французской моде на декольте, он указывает, что древние смотрели на покрывало как на «символь женской скромности и щить прелестей» и в любовном тоне предостерегает дам, «что въ сѣверномъ климатѣ эта мода опасна для самага здоровья, слѣдственно и красоты!» [8, с. 255]. Для убедительности своих суждений Карамзин вводит в повествование воображаемого Сибиряка, носителя русского миро-созерцания, которому гипотетически нужно объяснить внешний облик современных красавиц: «Есть ли будемъ изъяснять ему сей феноменъ дѣйствиємъ Французской моды, то онъ вообразить, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы обе-

зьянство (Сибирское название моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!» [8, с. 253]

У Карамзина одежда является не только характеристикой исторического времени и национальной культуры, служит средством выражения социального статуса человека, но и является знаком отношения человека к реальности небесной, мерой его духовной состоятельности. Ценность одежды для русских определяется Карамзиным её целесообразностью, которая видится либо в непосредственной защите от холода или нескромных взглядов, либо – при её роскоши – в функции сакральной, выраженной в идее Царя как Божьего наместника, достойного облачения, имеющего связь с миром вечности, в идее духовного преемства Россией по отношению к Византийской Империи. Смена одежды связана с движением истории, исторические переломы проявляются во внешнем облике человеке, ношение иноземного костюма связано с духовной слабостью человека и политической нестабильностью государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т.А. Ситуация рубежа веков в истории текста «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 72-79.
2. Анненский И.Ф. Художественный идеализм Гоголя // Анненский И.Ф. Книги отражений. М., Наука, 1979. С. 216-225.
3. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга. 1998. Кн. 1. 1238 с. (Ре-принтное воспроизведение издания 1842-1844 годов).
4. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга. 1998. Кн. 2. 1386 с. (Ре-принтное воспроизведение издания 1842-1844 годов).
5. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга. 1998. Кн. 3. 592 с. (Ре-принтное воспроизведение издания 1842-1844 годов).
6. Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2 тт. М.-Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 622-660.

7. Киселева И.А., Поташова К.А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации* / под ред. О.В. Шаталовой. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 137-146.
8. Мулатов В. (Карамзин Н.М.). О лёгкой одежде модных красавиц XIX века // *Вестник Европы*. Ч. 2. № 7. С. 250-256.
9. Послание к Колоссянам святого апостола Павла (3:11). Библия. М.: Российское Библейское Общество, 2006. 608 с.
10. Троицкая летопись / ред. Приседков М.Д. М.: Академия наук, 1950. 514 с.
11. Сапченко Л.А. Халат Карамзина // *Вестник Московского государственного университета*. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 89-101.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. [The situation of the turn of the century in the history of text of “Letters of a Russian traveler” by N. Karamzin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of Moscow State University. Series Philology], 2015. no. 4, pp. 72–79.
2. Annenskii I.F. *Khudozhestvennyi idealizm Gogolya* [Artistic idealism of Gogol] in: *Annenskii I.F. Knigi otrazhenii* [Annensky I. The Book of reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979. pp. 216–225.
3. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Moscow, Kniga Publ., 1998. Vol. 1. 1238 p.
4. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Moscow, Kniga Publ., 1998. Vol. 2. 1386 p.
5. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. Moscow, Kniga Publ., 1998. Vol. 3. 592 p.
6. Karamzin N.M. *Natal'ya, boyarskaya doch'* [Natalia, the boyar's daughter]. In: *Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya*. [Karamzin N. Selected writings]. Moscow–Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1964. Vol. 1, pp. 622–660.
7. Kiseleva I.A., Potashova K.A. [The hat as a part of the costume and means of characteristics of a character in “Letters of a Russian traveler” by N. Karamzin]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoi kommunikatsii*. [Russian language in Slavic intercultural communication. Collection]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. pp. 137–146
8. Mulatov V. (Karamzin N.M.) [On the light clothes of fashionable beauties of the 19th century]. In: *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. Vol. 2, no. 7, pp. 250–256.
9. *Colossians of the Holy Apostle Paul (3:11)* [Poslanie k Kolossyanam svyatogo apostola Pavla (3:11)]. In: *Bibliya* [The Bible]. Moscow, Russian Bible Society Publ., 2006. 608 p.
10. Priselkov M.D., ed. *Troickaya letopis'* [Trinity chronicle]. Moscow, Academy of Sciences Publ., 1950. 514 p.
11. Sapchenko L.A. [Karamzin's Bathrobe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Moscow State University Bulletin. Series Philology]. 2016, no. 3, pp. 89–101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: 7909227849@yandex.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Kiseleva – Doctor in Philological Sciences, associate professor, head of the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: 7909227849@yandex.ru

Ksenia Potashova – PhD in Philological Sciences, senior lecturer at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И.А., Поташова К.А. Одежда у Н.М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 113-121
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121

FOR CITATION

Kiseleva I.A., Potashova K.A. Clothing in N. Karamzin's works as a sign of historical time and national character. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 113-121
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121